

Жиров Михаил Семенович

доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры искусства народного пения
Белгородского государственного института
искусств и культуры,
заслуженный работник культуры РФ

Zhirov Mikhail Semenovich

D.Phil. in Education Science, Professor,
Professor, Folk Singing Department,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
Honored Worker of Culture of
the Russian Federation

Шведова Ирина Викторовна

аспирант кафедры философии и теологии социально-
теологического факультета имени митрополита
Московского и Коломенского Макария (Булгакова)
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
старший научный сотрудник Белгородского
государственного музея народной культуры

Shvedova Irina Viktorovna

PhD student,
Department of Philosophy and Theology,
Faculty of Theology and Social Sciences,
Belgorod State National Research University,
Senior Research Fellow,
Belgorod State Museum of Folk Culture

ОБРАЗЫ КУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ В СТРУКТУРЕ НАРОДНОЙ КАРТИНЫ МИРА (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

IMAGES OF CULTURAL UNIVERSALS IN THE STRUCTURE OF THE FOLK WORLDVIEW (RECONSTRUCTION BASED ON TRADITIONAL FOLK ART CULTURE OF BELGOROD REGION)

Аннотация:

На базе образов региональных этнокультурных архетипов авторы рассматривают ценностно-визуальные начала народной художественной культуры Юга России. Отмечаются специфика народного понимания природы и художественного посыла к формированию модели народной картины мира, актуальность сохранения культурной экосистемы в ситуации давления противоположных тенденций. При обращении к теме раскрывается методология выявления и смысловой реконструкции самоценной системы универсалий, существующей в этнокультуре, исследуется эмпирический материал. Краткое представление белгородской народной художественной культуры позволяет объяснить специфику складывавшихся здесь орнаментальных систем. На примере отдельно взятого региона и его особенностей определяются восходящие к архетипическим образам ценностных универсалий культуры. Открываются пути к их философскому осмыслению, осознанному творческому использованию в практиках вестиментарной культуры и дизайна, к дальнейшей смысловой реконструкции композиций традиционного народного орнамента. Особым вкладом авторов является практико-ориентированная разработка аналитической основы изучения этнохудожественного опыта в русле философско-культурологической рефлексии.

Ключевые слова:

народная художественная культура, народная картина мира, этнокультурный архетип, ремесленно-прикладное искусство, культурные универсалии, ценности, символ, орнамент.

Summary:

The study considers the value-based visual foundations of folk art culture in the South of Russia from the standpoint of the images of regional ethnocultural archetypes. The emphasis is placed on people's understanding of nature and artistic message to the folk worldview model, the relevance of preserving the cultural ecosystem under pressure from opposing trends. The authors reveal the identification methods and semantic reconstruction of a self-sufficient system of universals in ethnic culture and present the empirical material of the study. A brief presentation of the Belgorod folk art culture explains the specific nature of the ornamental systems developed. By a case study of Belgorod region and its peculiarities, the paper determines the images of valuable cultural universals tantamount to archetypes. Their philosophical understanding, conscious creative use in vestimentary culture and design, further semantic reconstruction of traditional folk ornamental patterns become possible. The authors propose the results-based development of the analytical framework for the study of ethnic artistic experience in line with philosophical and cultural reflection.

Keywords:

folk art culture, folk worldview, ethnocultural archetype, arts and crafts, cultural universals, values, symbol, ornamental pattern.

Мышлению поколений, из века в век перевоссоздававших ныне изучаемый идеопластический язык искусства, было свойственно любование явлениями природы в сочетании с постоянным стремлением войти в диалогическое взаимодействие с ней для решения непреходящих повседневно-утилитарных задач: сохранения жизни, обеспечения пропитания, организации и защиты личной среды (дома, подворья), гармонизации с внешним миром, нахождения «своего другого» для

продолжения жизни и рода. В опыте моделирования картины мира, природных циклов и способов запечатления разного рода пожеланий от времен мифопоэтического сознания формировались семиотические основы пространства культуры, и в этом процессе осуществлялась материализация человеческого стремления на конкретно-практическом уровне выразить сущность связи вещей, зафиксировать в анналах социокультурной памяти некий ценный опыт. В «диалектном» разнообразии любого регионального языка орнамента и сегодня читаются очертания простых и всеобъемлющих знаков, положенных в основание модели народной картины мира. Изучаемые на стыке дисциплин искусствоведения, культурологии и антропологии орнаментальные композиции не есть один лишь опыт прошлого культуры. Доказано их воздействие на «психику человека, свойства пространства и окружающей среды» [1, с. 183]. Вопрос важности и уникальности автохтонного как части всей культурной экосистемы актуализируется тем более, чем острее давит давление альтернативных культурных тенденций, стратегии которых в сфере глобальных коммуникаций подводят вместе с разрушением культурных границ «к аннигиляции всякой памяти, наступлению эпохи всеобщего презентизма, появлению культуры, в рамках которой плоскость экрана абсолютно закрыла глубины прошлого» [2]. Разрыв с традицией обостряет проблему утраты понимания ценности ее наследия – важнейшего фактора самоидентификации будущего поколения ее трансляторов.

Переходные исторические периоды вместе с потрясением фундаментальных основ общественного уклада рождают стимулы к новому осмыслению его духовно-ценностных оснований, как и потребность почерпнуть их содержательный ресурс в недрах собственной корневой этнокультуры, где в явно и неявно выраженной форме всегда наличествует некая самоценная система универсалий. При выборе методологии их выявления и смысловой реконструкции напрашивается семантико-семиотический подход, эксплицирующий культуру наиболее полно «с точки зрения ее формы и содержания» [3, с. 70], меняющегося под воздействием исторически-временной специфики. В числе факторов, обуславливающих такие изменения, сегодня можно назвать обозначивший тенденции рубежа веков аксиологический релятивизм [4, с. 21], установки которого были заложены еще в постмодернистской реальности. Здесь, поскольку речь идет о связующих компонентах семантического поля культуры (в данном случае народной художественной), востребованы уже и аксиологический, и структурно-функциональный методы определения способов их взаимосвязи.

Онтологический ракурс синтезирует наш исследовательский подход, направляя к поиску наиболее важных ценностно-визуальных образов из символики народного мировоззрения, имеющей обширную фольклорную, мифологическую и историко-этнографическую научную базу (А.К. Амброз, А.Н. Афанасьев, А.К. Байбурун, Д.А. Баранов, М. Гимбутас, В.А. Городцов, И.М. Денисова, В.Б. Казарина, М.С. Кацар, А.Г. Кишишин, Е.Н. Клетнова, Н.И. Коробка, Д.Л. Мадлевская, М.М. Маковский, Г.С. Маслова, Ю.А. Мельничук, В.В. Нейхардт, Н. Охридский, В.Я. Пропп, Л.М. Русякова, Б.А. Рыбаков, Т.М. Судник, В.Н. Топоров, В.А. Цагараев, Т.В. Цивьян, А.В. Чернецов, Ю.Ю. Шевченко, К.Г. Юнг и др.); весьма интересен ее региональный фактологический материал.

Предметом рассмотрения и основой анализа в этом контексте стал традиционный белгородский народный текстиль (порядка 1,5 тыс. единиц), собранный и отснятый в 1995–2017 гг. в ходе этнографических экспедиций: образцы обрядовых полотенец (рушников), элементы орнамента настольников, домотканых ковров, крестильных пеленок, набожников, нагробников, крестьянского праздничного костюма из фондов Белгородского государственного музея народной культуры в подлинниках, датированных от 200 лет и менее.

Отличительной чертой белгородской народной художественной культуры является изначально свойственный ей эклектизм, на протяжении пяти последних столетий трансформировавшийся в сложный комплекс многогранной, но внутренне цельной культурной экосистемы Юга России. Как указано в нашем предыдущем исследовании, в результате встречи «на одном географическом пространстве культуры славян, русских, украинцев, белорусов, поляков, литовцев, степняков» [5, с. 120] создан специфичный для него хозяйственно-бытовой уклад жизни с присущей ему упорядоченностью пространства, традиционными представлениями о мироздании. Особенности заселения края и формирования его территориальных границ [6] обусловили появление и устойчивое бытование по крайней мере двух геометрических орнаментальных систем, сосуществующих наряду с занесенной переселенцами культурно-художественной эклектикой и привнесенными позднее тиражированными мотивами вышивок. Это характерный для юго-запада области (Ивнянского, Ракитянского районов) красноузорный тканый орнамент, впитавший курско-белорусское влияние, и оригинальный черноузорный – юго-восточной ее части (Красненского, Красногвардейского, Алексеевского районов и двух родственных им воронежских – Острогжского, Репьевского), содержащий индоевропейские космогонические символы.

В символической картине мира белгородского орнамента, особенно четко представимой на примере рушника [7, с. 12–14], фигурируют три отделенных друг от друга плана мироздания: верхний (божественный, или мир богов-покровителей), средний (земной, или явленный) и нижний

(мир ушедших, или мир матери сырой земли). В результате поиска в этом семиотическом знаково-поле имеющей своеобразный канон региональной народной онтологии осуществлена схематизация идеограмм нескольких, на наш взгляд, наиболее важных компонентов, представивших ряд этнокультурных архетипов (рисунок 1): высшего творящего и организующего начала; образа самого творения; потенциальной основы жизненного плана и начальной точки его развертывания; образа многоуровневой организации этого плана, движения в его реализации, принципа развертывания и, наконец, образа реализации великого жизненного принципа в акте житнетворения.

Рисунок 1 (1–8) – Этнокультурные архетипы, выявленные в региональной символике орнамента

Колоссальная побудительная энергия архетипа прямо связывает образ с эмоцией, порождая в глубинах сознания способность к почти мгновенному порождению осмысляющих интерпретаций (К.Г. Юнг), вне зависимости от рациональных установок и доминирующих представлений. Современная психологическая мысль западных научных школ, развивающих юнгианские теории, имеет выраженную ориентацию на личностное начало. Ряд описанных К.Г. Юнгом архетипов активно используется в исследованиях прикладной психологии, сюжетах голливудской киноиндустрии, разработках для самотестирования, популярных психотренингах для менеджеров, бизнес-лидеров и их команд. Традиционная народная культура (наш региональный отечественный вариант здесь не исключение), имея в распоряжении унаследованный космологический архетип и соответствующий ряд ценностно-визуальных образов, веками транслирует его через «культ плодородия, центрированный сексуальным символом» [8, с. 210–249]. Рассмотрение и герменевтическая расшифровка этого ряда выводит нас в онтологическое русло личностного самосознания и открывает ценный ресурс для актуальных и развиваемых ныне синергетических концепций.

Впрочем, точки соприкосновения по крайней мере с одним из зарубежных направлений (Дж. Хиллман) достаточно ясно читаются: «Современный взгляд на архетипы, часто используемый в школе архетипической психологии (SAP) [9], заключается в понимании архетипов как "возникающих" принципов, которые являются из опыта, общего для всех нас, через наш естественный ранний человеческий опыт» [10]. Возродивший на Западе внимание к миру мифа в экологическом ракурсе автор Archetypal Psychology [11] в 2001 г. писал: «Нам необходимо начинать снова. Нам нужны принципы, которые начинаются не в человеческом разуме, но которые даются ему вместе с миром» [12].

Связь архетипического с ценностным в одном графическом образе сообщает ему особую квинтэссенцию силы, «дремлющей» в вышитых и вытканых узорами рубахах земледельцев в ожидании проявления. Полагаем, неслучайно для «беседы» с высшим на языке народного орнамента с таким старанием выкраивались часы досуга бесконечно занятых крестьянок. Здесь мало было одного лишь желания украсить, обозначив принадлежность своей культурной общности. Космологические универсалии архетипической силы – повсеместно воспроизводимые, эмоционально насыщенные, мгновенно распознаваемые в любых культурах – олицетворяют сам жизненный принцип, «резонируя» с которым любая живая душа определяет себя в космосе с его бесчисленными формами живого и базовыми, всё объединяющими ценностями. Далее рассмотрен ряд выявленных нами этнокультурных архетипических образов.

Идеограмма архетипа «Творец» (прямой равноконечный крест на рисунке 1, 1) выделена как олицетворение божественного начала и его творящего принципа. Религия в тех или иных формах всегда была важнейшей составляющей духовной жизни (см. лат. religare – связывать, соединять). Рассмотрение этимологии понятия «крест» расширяет представления: общеслав. «кресати» (создавать, высекать ударом огонь); лат. сгео (вызывать к жизни, творить, создавать). Ремесленно-прикладное искусство подтверждает важность роли равностороннего креста композиционными приемами его размещения: как организующее начало композиции; обрамление какой-либо фигуры миниатюрными крестами «по сторонам света» или расположение крестика – маркера божественности природы данной субстанции в ее центре (у антропоморфной фигуры – в области головы). Об особой ритуальной значимости креста в народном искусстве свидетельствуют его частый мотив в геометрической композиции набожника (Ивнянский район), локализация украшенного цветами креста в верхней части вышивки над парами птиц и гирляндами цветочно-растительных «бесконечников» в современном украинском свадебном рушнике [13, с. 30] как образ покровительства семейному союзу уже в христианской традиции, дополнявший или замещавший древние символы берегинь.

Выявленная идеограмма архетипа «Творение» в виде геометризированной восьмилепестковой розетки (см. рисунок 1, 2) содержит вписанные в нее изображения прямого креста Творца и равноконечного креста, означающего в региональном орнаменте супружеский союз. Этот известный межкультурный символ служит основой и изображающей мир буддийской мандалы, и семьи как Творения в региональной трактовке (местные названия: Благо, круг, латырь, зирка). Розетка – олицетворение Вселенной, раскрывающейся в воображении адепта «цветком лотоса, восемь лепестков которого распушены подобно делениям компаса» [14, с. 25–26], – в пределах восточнославянского этнокультурного пространства имеет еще одно из аллегоричных названий: славянская роза [15, с. 31]. Образ создает живую ассоциативную связь с популярнейшим цветком рушников и ковров, где он фигурирует как воплощение полнокровной земной и вселенской жизни в ее цветении, и «розой»-Вселенной, раскручивающей, подобно спирально растущим лепесткам из центра, свои расходящиеся рукава. Украинская писанка с восьмиконечной звездой Творения, чьи лепестки окрашены в два разных чередующихся цвета, – атрибут признания в любви.

Идеограмма архетипа «Поле» (см. рисунок 1, 3) выделена как образ возделанной пашни, представляющей в народной культурной традиции земное или женское лоно, заключающее в себе потенциал будущего плодородия. Метафизический уровень дает адресацию к созидательному началу жизненного плана. Поле представляет схематичную основу ромба-«арепея» [16, с. 10] – древнейшего земледельческого культового знака, характерного для художественной традиции Белгородчины и нередко служащего своеобразным символом ее геометрического орнамента (в особенности юго-восточного черноузорного), развитой аграрной культуры. В перекрестье идеограммы архетипа Поля представлен аллегорический образ пашни, «расчерченной» плугом земледельца, куда впоследствии будут «заброшены» точки-семена. Региональный орнаментальный язык весьма вариативного ромба-«арепея» позволяет выразить с помощью образа его поля различные фазы природного круговорота, а в антропологической проекции – статусно-возрастные периоды жизни [17, с. 74].

Идеограмма архетипа «Начало жизни» (см. рисунок 1, 4) несет в себе образ зерна, заключающий всё потенциальное богатство жизни, полноту возможностей и их реализации. Идея и желание материального богатства, оплодотворенности ярко выражены в народной свадебной обрядности в традиции обсыпания молодоженов зерном (одна ассоциативная параллель с будущим плодородием почвы и плодovitостью невесты). Точки-зерна, располагаемые символически вдоль вытканых или вышитых полос земной тверди на рушнике, в ряде случаев могут служить проекцией данного ритуала, маркером границ которого в народной художественной культуре выступает орнамент [18]. Показателен образ зерна и в кружеве рушника, которое в народном мирозерцании представляет уровень нижнего мира – матери сырой земли. Религиозный контекст здесь соотносит его с идеей «умирания» во имя даваемой жизни, с материнской жертвенностью.

Идеограмма такого универсального знакового комплекса, как «Древо жизни» (см. рисунок 1, 5), позволяет выявить архетипическое представление о центре, порядке и структурной основе мироздания, а также о развитии жизни во времени [19, с. 134–141]. Древо жизни встречается в народных культурах всех материков начиная с бронзового века (Европа и Ближний Восток) и до наших дней (туземные традиции Сибири, Америки) [20, с. 213]. Ствол Древа соотносится с образом оси мира, его горы, лестницы, опоры, алтарного места в народной архаике [21, с. 5]. Уровни мироздания (верхний, средний и нижний) соединяются между собой движением жизненной субстанции вдоль ствола, концы ветвей указывают на символические границы осваиваемого жизнью пространства и в варианте «Древо рода» порядком роста маркируют уровни поколений. Мифология персонифицирует в Древе образ как Вселенной, так и самого Создателя.

Идеограмма архетипа «Путь» (см. рисунок 1, 6), сочетая в себе направления вертикали и горизонтали, позволяет выявить представление об одном из самых инвариантных и жизненных образов в народной культуре – образе движения. Горизонтальное движение, обозначаемое одной прямой линией «земной тверди», дополняет ряд идущих одна над другой линий – сужающихся и тающих в восходящем движении по лестнице вдоль воображаемой оси Древа по направлению к «небесной тверди». Прототип данной идеограммы в тканых белгородских рушниках располагается на границе уровней среднего и верхнего миров [22, с. 13, 32]. Образу народной орнаментальной формулы особенно живо соответствует представление об иерархической организации сущего в сочинении итальянского философа-неоплатоника М. Фичино (1469–1474 гг.) *Theologie Platonicienne de l'immortalite des âmes* [23], где подчеркивается момент его единства: все ступени иерархии динамически связаны в постоянно идущем процессе нисхождения от высшего к низшему и в обратном направлении – от материи через посредствующие инстанции к Богу. Непрерывность циркуляции бытия делает перегородки между разными уровнями зыбкими, подвижными и соединяет Бога и мир в целостную реальность, где ее различные природы могут встречаться и присутствовать друг в друге. Так же содержание молитвенного устремления в рушнике, исходя из данной аллегории, встречает «ответ» небес.

В идеограмме архетипа «Творящей энергии» (см. рисунок 1, 7) схематизирован образ пробуждения и развития жизни как импульса, спирально распространяющегося из точки и олицетворяющего идею пробуждения, распространения, расширения. Образ энергии (др.-греч. ἐνέργεια – действие, деятельность, сила, мощь) упоминает еще Аристотель в трактате «Физика», где она обозначает человеческую деятельность. Миниатюрная архимедова спираль идеограммы – один из самых распространенных вариантов солярного знака, в ромбическом варианте часто встречаемого в вышивке окладов праздничных и свадебных понев Белгородской области (местные названия: кружок [24, с. 44] (Красногвардейский район), крюк (Грайворонский, Борисовский)).

Идеограмма архетипа «Великой матери сущего» (или богини-Рожаницы) выявлена как представление жизнетворящего начала природы [25; 26, с. 481–492] (см. рисунок 1, 8). Образ богини-Рожаницы исходит еще из времен солярного культа наряду с Древом жизни и изображениями ростков, он всегда расположен в зоне «верхнего мира» канонически выдержанных рушников, в вышивке плечевой зоны праздничных крестьянских рубах. Богиня в позе рожавшей женщины также соединяет все уровни мироздания: голова – божественный мир, тело и поднятые в жесте моления руки – атрибут земного, ноги в виде спиралей-завитков выражают связь с материальным началом и энергиями земли [27; 28, с. 8; 29, с. 33]. В архетипическом образе Великой матери сущего выразились созидательный принцип жизни, идея ее бесконечности.

Представленный ряд этнокультурных архетипов позволяет сделать вывод не только о лаконизме и совершенстве соединения идеи и формы в лучших образцах регионального народного искусства. Ценностно-художественные основания этнокультурного пространства Юга России, выявленные на примере ремесленно-прикладного творчества Белгородского региона, предоставляют богатейшие возможности дальнейшей дешифровки множества образованных ими смысловых композиций, открывая новые горизонты для развития искусства мышления, вестиментарной культуры, дизайна. Пережив времена расцвета и забвения, десемантизации своих ценностно-визуальных начал, не обладая в истории каким-либо особым статусом, народная художественная культура Белгородчины выжила и сохранила уникальные рукотворные традиции. Актуализируемый сегодня в новом осмыслении ее этнохудожественный опыт – часть культурной экосистемы России.

Ссылки:

1. Митрягина Т.А. Художественные образы в орнаментальных композициях, отражающих стиль культур // Наука. Искусство. Культура. 2016. Вып. 1 (9). С. 183–187.
2. Васильев А.Г. Memory studies: Единство парадигмы – многообразие объектов [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 5 (117). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/v36.html> (дата обращения: 09.01.2019).
3. Букина Н.В. Культурный код как язык культуры // Вестник ЧитГУ. 2008. № 2 (47). С. 69–73.
4. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры на рубежах веков // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 2 (23). С. 15–26.
5. Жиров М.С., Жирова О.Я. Народная художественная культура Белгородчины: опыт фольклорно-этнографического и философско-культурологического осмысления // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философско-теологические науки. 2006. Вып. 1, № 9 (29). С. 118–132.
6. История Белгородчины / Ю.В. Коннов, А.И. Папков, В.А. Сарапулкин и др. ; общ. ред. В.В. Горошников. Рыбинск, 2015.
7. Бондарь О.Н. Символика орнамента в белгородских вышитых рушниках : методическое пособие. Белгород, 2006.
8. Астафьева О.Н. Взаимодействие культур: перспективы альтернативных решений в эпоху глобализации // Многогранная глобализация / под ред. К.Х. Делокаровой. М., 2003.
9. Adams M.V. Archetypal Psychology at 40 Years – and Counting [Электронный ресурс] // International Journal of Jungian Studies. 2011. Apr. 18. URL: <https://clck.ru/EuFZv> (дата обращения: 09.01.2019).
10. West M. Complexes and Archetypes [Электронный ресурс] // The Society of Analytical Psychology: Jungian Analysis and Psychotherapy. URL: <https://clck.ru/EryZD> (дата обращения: 09.01.2019).
11. Hillman J. Archetypal Psychology. N. Y., 2013.
12. Зеленский В.В. Красота содействует справедливости [Электронный ресурс] : предисловие // Хиллман Дж. Архетипическая психология. URL: <https://clck.ru/EuFVn> (дата обращения: 09.01.2019).
13. Михайлюк Л.М. Украинский рушник: свадебный рушник // Творчество народов мира. 2008. № 3.
14. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. В.В. Наукманова. Киев, 1996.
15. Климova Н.Т. Народный орнамент в композиции художественных произведений. Цветное коклюшечное кружево. М., 1993.
16. Казарина В.Б. Культурные знаки в народной вышивке // Народное творчество. 2007. № 4.
17. Пономарев П.Д. Народный костюм Воронежской губернии. Воронеж, 1994.
18. Привалова В.М. Реализация культурного ритуала в материале орнамента // Регинология. 2011. № 3. С. 347–351.
19. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
20. Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М., 2010.
21. Стасов В.В. Русский народный орнамент. Вып. 1. Шитье, ткани, кружева. СПб., 1872.
22. Бондарь О.Н. Указ. соч. С. 13, 32.
23. Фичино М. Платоновское богословие о бессмертии душ // Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / сост. О.Ф. Кудрявцев. М., 1996. С. 176–211.
24. Шатерникова Н.И., Кравченко О.А., Якубенко Л.В. Женский народный костюм как часть регионального компонента. Белгород, 2008.

25. Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды ГИМ. Вып. 1. М., 1926. С. 7–36.
26. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
27. Шевченко Ю.Ю. Богородица Спилеотисса на древних христианских филактериях с изображениями серпентарид [Электронный ресурс] // РусАрх : электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. URL: <https://clck.ru/E6ZNc> (дата обращения: 09.01.2019).
28. Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991.
29. Пономарев П.Д. Образ спирали в значении змеи: «земляная» // Пономарев П.Д. Народный костюм Воронежской губернии. Воронеж, 1994. С. 33.

References:

- Adams, MV 2011, 'Archetypal Psychology at 40 years – and Counting', *International Journal of Jungian Studies*, April 18, viewed 09 January 2019, <<https://clck.ru/EuFZv>>.
- Astafieva, ON 2003, 'The Interaction of Cultures: the Prospects for Alternative Solutions in the Era of Globalization', in Delokarova, KKh (ed.), *Multifaceted Globalization*, Moscow, (in Russian).
- Bondar, ON 2006, *The Symbolism of the Ornament in the Belgorod Embroidered Towels: a Methodological Guide*, Belgorod, (in Russian).
- Bukina, NV 2008, 'Cultural Code as the Language of Culture', *Vestnik ChitGU*, no. 2 (47), pp. 69-73, (in Russian).
- Ficino, M 1996, 'Plato Theology on the Immortality of Souls', in OF Kudryavtsev (comp.), *The Cup of Hermes. Humanistic Thought of the Renaissance and Hermetic Tradition*, Moscow, pp. 176-211, (in Russian).
- Gorodtsov, VA 1926, 'Dako-Sarmatian Religious Elements in the Russian Folk Art', *Trudy GIM*, iss. 1, Moscow, pp. 7-36, (in Russian).
- Hillman, J 2013, *Archetypal Psychology*, New York.
- Jung, KG 1996. *Soul and Myth: Six Archetypes*, Kiev, (in Russian).
- Kazarina, VB 2007, 'Cult Signs in Folk Embroidery', *Narodnoye tvorchestvo*, no. 4, (in Russian).
- Klimova, NT 1993, *Folk Ornament in the Composition of Works of Art. Color Bobbin Lace*, Moscow, (in Russian).
- Konnov, YuV, Papkov, AI & Sarapulkin, VA (et al.) 2015, *History of Belgorodchina*, Rybinsk, (in Russian).
- Makovsky, MM 1996, *Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages. The Image of the World and the Worlds of Images*, Moscow, (in Russian).
- Mikhailyuk, LM 2008, 'Ukrainian Towel: Wedding Towel', *Tvorchestvo narodov mira*, no. 3, (in Russian).
- Mitryagina, TA 2016, 'Artistic Images in Ornamental Compositions Reflecting the Style of Cultures', *Nauka. Iskusstvo. Kultúra*, vol. 1 (9), pp. 183-187, (in Russian).
- Nikolaeva, TV & Chernetsov, AV 1991, *Old Russian Amulets-Coils*, Moscow, (in Russian).
- Ponomarev, PD 1994a, *Folk Costume of the Voronezh Province*, Voronezh, (in Russian).
- Ponomarev, PD 1994b, 'The Image of the Spiral in the Meaning of the Snake: "Earth"', *Folk Costume of the Voronezh Province*, Voronezh, p. 33, (in Russian).
- Privalova, VM 2011, 'Realization of Cultural Ritual in the Ornament Material', *Regionologiya*, no. 3, pp. 347-351, (in Russian).
- Rybakov, BA 1981, *Paganism of the Ancient Slavs*, Moscow, (in Russian).
- Shaternikova, NI, Kravchenko, OA & Yakubenko, LV 2008, *Women's Folk Costume as Part of the Regional Component*, Belgorod, (in Russian).
- Shevchenko, YuYu 2019, 'The Virgin of Spileotiss on Ancient Christian Phylacteries with Images of Serpentarid', *RusArch: an Electronic Scientific Library on the History of Ancient Russian Architecture*, viewed 09 January 2019, <<https://clck.ru/E6ZNc>>, (in Russian).
- Stasov, VV 1872, *Russian Folk Ornament. Issue 1. Sewing, Fabrics, Lace*, St. Petersburg, (in Russian).
- Toporov, VN 2010, *World Tree. Universal Sign Complexes*, vol. 1, Moscow, (in Russian).
- Vasiliev, AG 2012, 'Memory Studies: The Unity of the Paradigm – the Variety of Objects', *Novoye literaturnoye obozreniye*, vol. 5 (117), viewed 09 January 2019, <<http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/v36.html>>, (in Russian).
- Vyzhletsov, GP 2016, 'Axiology of Culture at the Turn of the Century', *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*, no. 2 (23), pp. 15-26, (in Russian).
- West, M 2019, 'Complexes and Archetypes', *The Society of Analytical Psychology: Jungian Analysis and Psychotherapy*, viewed 09 January 2019, <<https://clck.ru/EryZD>>.
- Zelensky, VV 2019, 'Beauty Contributes to Justice: Preface', in Hillman, J, *Archetypal Psychology*, viewed 09 January 2019, <<https://clck.ru/EuFBn>>.
- Zhirov, MS & Zhirova, OYa 2006, 'Folk Artistic Culture of the Belgorod Region: the Experience of Folk-Ethnographic, Philosophical and Cultural Studies Understanding', *Nauchnyye vedomosti BelGU. Ser.: Filosofsko-teologicheskiye nauki*, vol. 1, no. 9 (29), pp. 118-132, (in Russian).